

Надежда
Ожигина

СЕДЬМАЯ СЕСТРА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

Надежда
Ожигина

СЕДЬМАЯ СЕСТРА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-45

Иллюстрация на переплете *Анастасии Светлаковой*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Ожигина, Надежда Викторовна.

О-45 Седьмая сестра / Надежда Ожигина. – Москва :
Эксмо, 2025. – 480 с.

ISBN 978-5-04-215731-8

Аля Вознесенская – необыкновенная скрипачка. Нет, играет она ничуть не лучше, чем любая другая выпускница Гнесинки. Просто, в отличие от коллег, Аля с самого детства слышит музыкальное воплощение окружающих людей, предметов, явлений. И знали бы вы, как это осложняет жизнь!

Однажды Алю приглашают подработать на свадьбе, где все гости одеты в вампирском стиле. Только вот когда выясняется, что это чуть больше, чем просто стиль, все идет кувырком. А потом... потом будет всякое: правда об изнанке Москвы, древние ритуалы, магический орден и родовая тайна. Ах да, еще семь сталинских высоток и дракон!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ожигина Н., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215731-8

Часть I

ЧУЖАЯ СВАДЬБА В ГОТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

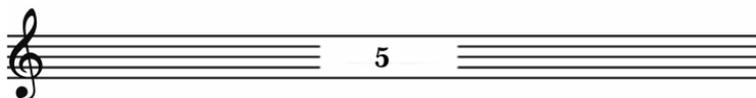

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Парк культуры». Уважаемые пассажиры, поезда по Сокольнической линии ходят с увеличенными интервалами. Будьте внимательны. Пользуйтесь наземным транспортом!

Неживой голос перевел объявление на английский, добавил про забытые вещи и необходимость держаться за поручень. Можно подумать, в образовавшейся давке кто-то мог куда-то упасть!

Я стояла, плотно прижатая к двери с насмешливой надписью «Не прислоняться», и старалась прикрыть руками футляр. Может, выйти на «Парке культуры»? Пересесть на Кольцо и спокойно доехать до Трех вокзалов?

Идея хороша, но, увы, запоздала. Голос каркнул название станции. Двери открылись, вагон с трудом выплюнул плохо пережеванных пассажиров. Я рванулась к выходу, но оттуда уже накатывали новые

волны, настоящие валы перекошенных лиц, потных тел и озлобленных криков. Кого-то впихнули обратно, у кого-то сорвали рюкзак с плеча, кому-то что-то прищемило дверь, и послышался сдавленный мат. Меня накрыло потоком, вновь ударило о двери напротив, вжало сильно — не продохнуть, и футляр уперся в грудную клетку, почти ломая ключицу.

Рядом истерически вскрикнула женщина: ей едва не выбило поручнем руку. Парнишка сбоку шепнул: «Щас сдохну». Мужик в майке с покемоном хмыкнул: вперед, будешь первым, кого похоронят стоя!

Московское метро. Час пик. Увеличенные интервалы.

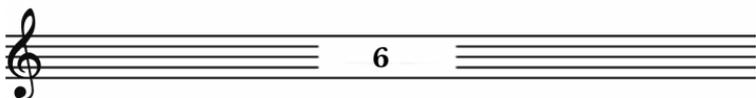
Как меня угораздило?

Поезд качнуло, женщина взвизгнула и наступила на ногу парню, сидевшему возле поручня и уткнувшемуся в телефон. Тот поднял голову, блеснул очками. Вздрогнул, увидев ад во плоти, точно вынырнул с глубины и только сейчас заметил, что на вагоне расходятся швы от концентрации пассажиров. Вынул из уха наушник, спрятал в карман смартфон.

Уступил женщине место — ну надо же, очнулся, спящий красавец!

На «Кропоткинской» желающих выйти не было. Но еще пять активных просочились в вагон, завывая, чтобы проходили в центр, потому что всем нужно уехать.

Поезд нырнул в туннель, пролетел немного и встал, как вкопался, добавляя остроты ощущений. По вагону пронесся могучий выдох, многоногий и многорукий зверь под названием «пассажиροпоток» приготовился подыхать от нехватки кислорода. Уже в третий раз за эту поездку. Да что там случилось, в конце-то концов?

Ретроградный Меркурий захватил все дома? Человек упал на рельсы? Ну так доставайте его оттуда, пока люди в вагонах не задохнулись!

Дернулись, поехали — вновь скрип тормозов.

Парня слегка закрутило потоком и неожиданно прижало ко мне.

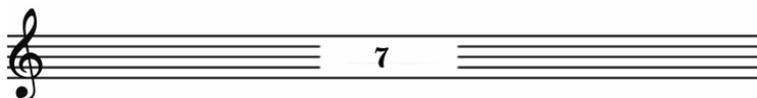
Я давно буравила взглядом его макушку. Ненавижу, когда парни так вот плятятся в телефоны или делают вид, что спят. Что ж, лучше поздно, чем никогда, может, действительно зачитался? Интересно, откуда он едет? «Университет»? «Проспект Вернадского»? Вряд ли дальше, такие, как он, не могут жить на окраине. Что-нибудь понтовое на Воробьевых горах...

И зачем это парню такая грива? Мне бы хоть половину этой густоты и мягкости, падающей волнами на широкие плечи! Зависть — скверное чувство. Я утешалась тем, что от хорошей жизни люди на метро не катаются. Может, у него машина сломалась? Или жена все деньги отжала? Или папочка, эмгэушный профессор, лишил наследства за неуспеваемость?

Стоя к нему впрыток, я попала в капкан ароматов. Потертая кожа куртки, пахнувший травой браслет на запястье, дорогой парфюм, полынный шампунь. И что-то еще, такое мужское, от чего перехватило дыхание. Даже не раздражает, что темные пряди волос задевают лицо и шею, щекочут...

Ну и проклятый футляр между нами. Вот оно, женское невезение. Сейчас бы прижаться щекой к его куртке и после месяц не умываться!

Парень заметил кофр, выгнул бровь. Резко выставил руки, упираясь ладонями в створки дверей, по обе стороны от моей головы. Уставился на подбородок. Только этого не хватало!

Знаю я этот взгляд, направленный на кожу под челюстью. Изучающий метку слева на шее, красно-коричневое пятно, как засос, как укус волколака. Вечное тавро, несмываемое. Отметина от инструмента.

Я прислушалась к его музыке. Что-то звенящее, напряженное. Будто осы над цветущими липами. Будто провода на опорах ЛЭП. Иногда так надрывно звенит натянутая до предела струна, задетая медиатором.

Улыбка чуть тронула его тонкие губы, глаза за очками прищурились — и руки распрямились одним рывком, отжимая от меня толпу.

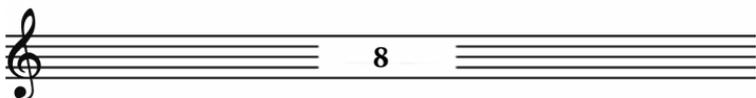
По вагону пронесся стон, кто-то матюгнулся сквозь зубы. Незнакомец продолжал улыбаться, а я впервые за всю поездку отлепила от себя черный кофр и выдохнула, опуская руки.

— Что там у вас? — спросил незнакомец. Голос тоже звучал приятно. Как-то элитно-дорого, под стать парфюму и кожаной куртке. — Скрипка, альт? На чем играете?

— Скрипка, — благодарно улыбнулась я. — Спасибо, боялась, раздавят.

— Пустяки, — чуть сморщился парень. Видно, кто-то от щедрот пихнул его в спину. — Удивительная история, — доверительно продолжил он. — Захотелось побыть среди людей, но не рассчитывал на столь плотный контакт.

Он взглянул на меня и отвел глаза. Правильно, на что тут смотреть? Я не модель и не актриса: обычное лицо, волосенки, собранные в конский хвост. Профессиональная метка на шее от подбородника скрипки. Ничего, чтобы привлечь такого красавчика.

— Не считите за наглость, но как вас зовут?

Это что-то новое в системе подкатов. «На чем играете? А как вас зовут?»

А вы с какой целью интересуетесь? Записываете в блокнот имена своих жертв? Всех, попавших под властное обаяние?

— Аля, — ответила я. Мне не жалко, подумаешь, тайна. Тем более что я Алёна, просто с детства ненавижу все эти приколы про «Алёнушек и Иванушек».

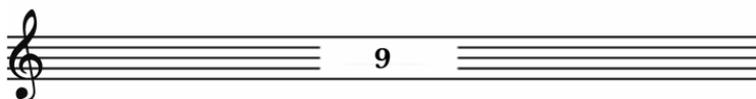
— Аля. — Он словно попробовал имя на вкус, даже языком причмокнул на «л». Тоже мне, звуковой гурман. — У меня к вам интимная просьба.

Ух ты! Даже сердце скакнуло, а брови недоверчиво полезли на лоб. И пощечину ему не вlepить — нет простора, чтоб замахнуться.

Парень хмыкнул, снова взглянув на меня.

— Не могли бы вы снять мне очки и убрать в нагрудный карман? Понимаете, я читал... А потом все как-то быстро случилось. Я тоже боюсь, что раздавят, — торопливо добавил он.

В самом деле, интимная просьба. Я зажала ногами кофр и потянулась к его лицу, умоляя про себя машиниста постоять на месте еще немного. Очки очень личный предмет, не менее ценный, чем скрипка. Мои пальцы коснулись высоких скул, тронули тонкие дужки. Изящные стекла, оправы нет, все будто парит над переносицей. Вагон чуть качнуло, я сдвинулась с места, почти позабыв про кофр между ног. Встала немного плотнее, в самую гущу запахов, в эпицентр притяжения. Боже, из этого парня можно афродизиак разливать по флаконам! Намазывать пастой тело и волосы, как чокнутый Парфюмер. А потом продавать втридорога. Как вам такой стартап?

Дужки скользнули по его вискам. Я аккуратно сложила очки, ухватилась за отворот куртки, чтобы надежнее запихнуть в карман. Пальцы словно провалились в пекло, их обожгло биением пульса, и гудением мышц, и жаром кожи, и чуть сбитыми ударами сердца.

— Меня зовут Григ, — шепнул в самое ухо, тоже довольно интимно.

— Очень приятно, господин композитор. Вот ваши очки, берегите их.

Что мне осталось, кроме иронии?

И для верности застегнула нагрудный карман на молнию с подвеской в виде звезды. Хоть не в узкие джинсы попросил убрать. И так чуть не насильничал в людном месте! Впрочем, будем честны: при чем тут насилие?

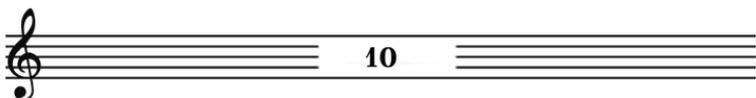
Машинист неразборчиво каркнул в динамике, поезд заскрежетал по рельсам, будто прорывался сквозь баррикады, отстреливаясь от бандитов, но главное — мы поехали.

После «Охотного ряда» толпа наконец поредела. Но парень стоял, руки в стекло, не желая выпускать меня из ловушки.

— Где вас можно услышать, Аля? — очень вежливо спросил Григ.

— В переходе на Казанском вокзале, — привычно сгрубила я.

Стану я рассказывать первому встречному, что лишь недавно закончила Гнесинку и пока не нашла работу мечты, перебиваясь халтурой! Я лабала в ресторанах, пилила в кафе, играла в случайных оркестрах, пятой скрипкой в девятом ряду. Даже в электричках иногда промышляла. И еле сводила концы с концами.

Григ усмехнулся, опустил руки. Жестом предложил присесть на освободившееся местечко, то самое, где так долго читал, не замечая давки. Я качнула головой и отвернулась к стеклу.

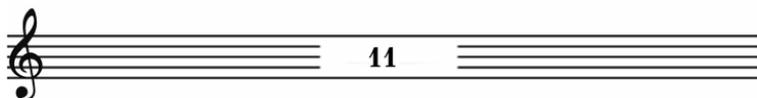
Стало свободнее, появился воздух. Вагон притих, отдыхая от склок. И послышалась долгожданная мелодия: шорох, гудение рельсов, отраженный от стенок туннеля гул. Так звучал лишь московский метрополитен, и я невольно задвигала пальцами, зажимая на грифе невидимки-струны.

В отражении я видела Грига: он стоял и, чуть склонив голову, удивленно следил за моей рукой. Потом вдруг снова коснулся стекла, ударил пальцами, снова и снова, выдал нервную дробь. Бит дополнил музыку поезда, скрип вагонов, сипенье дверей, объявление новой станции. Григ тоже слышал мелодию и украсил мои струны ударными.

Так мы стояли, беззвучно играя, словно на невидимой сцене, а потом вагон вдруг опустел. Я спохватилась, схватила кофр и птицей вылетела из дверей, чуть не пропустив «Комсомольскую». Закинула лямки за спину, сдвинула с шеи наушники, врубил «Грозу» Вивальди — самую подходящую музыку, чтобы шустро скакать по ступенькам, на ходу проверяя часы. Споткнулась, оглянулась на поезд и снова увидела Грига.

Он успел выпрыгнуть следом, прорвавшись сквозь строй пассажиров. Стоял на платформе и смотрел на меня с каким-то мрачным укором.

Я пожалала плечами и побежала дальше. Некогда рефлексировать. Ночью подумаю о знойном красавце, услышавшем музыку московской подземки. Но до концерта всего два часа, и Элен меня точно

убьет, если не успею переодеться. Такими халтурами грех разбрасываться, на такие свадьбы зовут нечасто!

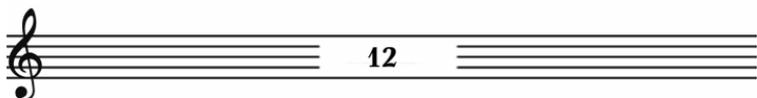
Задыхаясь, я мчалась по Комсомольской площади в сторону Каланчевской улицы, под мост, под железную дорогу и дальше, туда, где стояла громадина гостиницы «Ленинградская».

Почему-то всегда при виде высоток перехватывало дыхание. Умели же строить люди! Сколько разных историй я слышала: и про эзков, и про тайный план Сталина по обороне Москвы, и про аккумуляторы магии, держащие купол над городом.

Теперь, вплотную подобравшись к гостинице, давно входящей в систему «Хилтон», я смотрела на нее снизу вверх, будто микроб на великана. Должно быть, с тех сказочных высе́й, из заоблачных далей под зеленым шпилем Комсомольская площадь казалась крохотной, а ведь ростом гостиница не задалась, самая низкая из «сестер», как называют сталинские высотки в путеводителях по Москве. Седьмая сестра. Младшенькая.

Я стояла, задрав голову, в ушах на репите гремела «Гроза» — Вивальди как никогда был в тему. Уникальная скрипичная партия, все мое тело плавилось, когда

я слушала ее звуки. Каждый нерв резонировал и дрожал, будто натянутая струна.

Шпиль высоты приманивал и отталкивал одновременно, словно возносил в небеса и опрокидывал обратно на землю. Сквозь Вивальди прорывалась другая музыка: ветра, стали, бетона, кварцита, золота и керамики, сплетенных воедино чьей-то дерзкой мыслью, сотворившей чудо на разлуке и в голоде. Башня звучала, и мне захотелось вынуть скрипку из кофра, тронуть струны смычком и сыграть мелодию «Ленинградской».

Из массивной крутящейся двери выскочила Элен, такая чопорная в униформе, что мне захотелось смеяться.

— Алька, ты что застыла? Боже, в каком ты виде!

Элен ухватила меня за запястье и потащила в гостиницу. Вход как крыльцо русского терема: церковная роспись над головой, вращающаяся дубовая дверь, такая массивная, даже не верится, что способна стронуться с места! Настоящий портал в другую реальность.

— Знаешь, Элен, я читала...

— Да-да, эта дверь — шедевр, чуть ли не первая «вертушка» в Союзе. И ее разрабатывал целый НИИ. Я потом проведу экскурсию. Алька, поторопись. Концертное платье есть у тебя? Откуда ты взмыленная такая?

— В «Лужниках» была на прослушке. А где можно переодеться?

Внутри меня придавило роскошью. Будто попала в церковь. Все эти колонны и люстры, световой потолок и росписи, кованые решетки и витражи... Дом Господень, не человеческий. Как можно в этом жить?

— Видишь статуи львов? — шепнула Элен. — Жди меня возле правого.

Застучала по мрамору шпильками, зашептала что-то девушке в форме, томящейся за стойкой регистратуры. Та понимающе закивала.

Медленно я добрела до статуи, крутя головой во все стороны. Вблизи геральдическое кошачье, держащее в лапах щит, оказалось кем угодно, только не львом. Может, пантера? Или гепард? Явно нерусская морда, и щит у нее иностранный. На натертых до блеска лапах — внушительного вида когти, острые, даже на вид неприятные. Такими бьют в спину добычу, а потом догрызают клыками, с которых разве что слюна не течет. Еще одно украшение, неуместное в нормальной гостинице.

— Потрешь лапу — и желание сбудется, — хихикнула сзади Элен. — Это у нас примета на счастье, видишь, как полируют?

— Да в метро куча станций с такими приметамы, — хмыкнула я в ответ. — Если на станции стоит статуя, обязательно у нее что-то затерто до дыр. Руки, ноги, носы собачьи.

Воспоминания о метро вызвали легкую дрожь, будто кто-то провел по спине до отвращения холодными пальцами. Ароматы потертой кожи, травы, парфюма и мужского пота. Жар чужого тела, тонкие губы, почти коснувшиеся мочки уха. Невероятно интимный, соблазнительный миг: я, закусив губу, касаюсь чужого лица и снимаю очки в невесомой оправе...

Под насмешливым взглядом Элен я потеряла кошачью лапу, думая лишь о парне в метро, с которым вряд ли еще столкнусь, но который так же, как я, слышал

